

⁴² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. М., 2002. С. 724.

⁴³ ЦА ФСБ РФ, д.н-3677, т. 5, л. 256.

⁴⁴ Там же, л. 251.

⁴⁵ Там же, л. 258.

⁴⁶ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл., д. 1740, л. 60–60 об.

⁴⁷ Там же, л. 47, 54.

⁴⁸ См.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. С. 366–368.

⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл., д.П-16935, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, л. 5.

© 2010 г. И. А. КУРЛЯНДСКИЙ*

СТАЛИН И «ИНТЕРВЬЮ» МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ СОВЕТСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ В 1930 году

Переход к политике сплошной коллективизации и ликвидации кулачества сопровождался, с санкции руководства страны, новым наступлением на религии и Церковь в СССР, массовым разрушением храмов, жестокими репрессиями против духовенства и верующих. Громкий резонанс вызвало осуждение в феврале 1930 г. антихристианских гонений в СССР папой Римским Пием XI, архиепископом Кентерберийским и рядом международных христианских организаций¹. Советские власти расценили эти заявления как клевету и вмешательство во внутренние дела страны. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), принятому 20 февраля 1930 г., в интервью корреспонденту «Правды» факты гонений официально опроверг председатель СНК СССР А.И. Рыков². С резким и демагогическим памфлетом в «Правде» 7 марта 1930 г. выступил Н.И. Бухарин³.

С соответствующим воззванием собирався выступить и Союз воинствующих безбожников СССР. Однако данная инициатива не была одобрена Сталиным (видимо, уловившим противоречие между провозглашением религии «орудием заговора» и категорическим отрицанием какой бы то ни было борьбы с ней), несмотря на обращение председателя Союза Е.М. Ярославского к членам Политбюро с просьбой «срочно просмотреть и разрешить публиковать». В подготовленном проекте обращения безбожников говорилось: «Травля СССР религиозными организациями всех стран вызвана ужасом перед раскулачиванием... Религия является орудием контрреволюционных замыслов империализма, орудием его военных заговоров против СССР». В заключении содержался призыв: «Добьемся того, чтоб поголовно все трудящиеся поняли контрреволюционную сущность религии и с презрением отбросили от себя религиозные предрассудки»⁴.

Одновременно были организованы демонстрации трудящихся по поводу готовящегося Ватиканом «крестового похода», инспирированы отклики представителей различных конфессий внутри страны. Так, сотрудники ОГПУ шантажом и угрозами вынудили генерального викария Минска и Могилева ксендза Авгло дать «представителям советской печати» интервью о положении католиков в СССР, в котором отрицались какие-либо гонения за веру⁵. Сам Авгло впоследствии, раскаиваясь, сообщал в Рим о появлении своего «интервью»: «15 марта ко мне пришел начальник минского ГПУ в сопровождении трех представителей прессы. Я только что совершил долгую службу и чувствовал себя очень усталым. Чередуя обещания с угрозами, они пытались меня на протяжении нескольких часов. Я перестал отдавать себе отчет в своих действиях и

* Курляндский Игорь Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

подписал бумагу, которую прилагаю. Когда я пришел в себя и прочел копию подписанной мною бумаги, я пришел в ужас»⁶. Выказались в «Правде» и минские раввины⁷. В фонде Сталина в РГАСПИ сохранились документы, свидетельствующие о подготовке текста этого выступления Ярославским и Е.А. Тучковым⁸. Первый вариант воззвания раввинов был забракован Сталиным, оставившим характерные резолюции: «Чепуха», «Пустая агитационная штука. Надо набросать что-либо серьезное. И. Сталин». Рядом неустановленным лицом была сделана приписка: «Особ. папка. Сов. Секретно. Собрать все материалы, воззвания и т.п., относящиеся к этому вопросу, в том числе комплект заключений по этому вопросу не для печати»⁹. В результате был подготовлен второй вариант текста воззвания раввинов, устроивший руководство и пошедший в печать.

Заметным событием в этом ряду стало появление в печати интервью советским корреспондентам митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода, в котором религиозные гонения отрицались от имени «староцерковников». Оно было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 16 февраля 1930 г. (через 3 дня последовало аналогичное интервью уже одного митрополита Сергия зарубежным корреспондентам)¹⁰. Эти публикации вызвали возмущение среди православных за рубежом, а также церковной оппозиции внутри страны – владыку обвиняли во лжи¹¹. Между тем «пресс-конференции» митрополита Сергия предшествовало принятое 14 февраля 1930 г. опросом постановление Политбюро ЦК ВКП(б) с кратким названием «Об интервью»: «Поручить тт. Ярославскому, Сталину и Молотову решить вопрос об интервью»¹². Хранящиеся в Архиве Президента РФ документы позволяют раскрыть механизм подготовки, а точнее – фальсификации данного интервью, впоследствии авторизованного митрополитом Сергием при очевидном давлении властей¹³. Показательно отсутствие документов, указывающих на то, что кто-либо из церковных иерархов, включая самого митрополита Сергия, участвовал в его написании или редактировании. Нигде не упоминались и фамилии «представителей советской печати», которые якобы его брали¹⁴.

Сохранились два машинописных варианта текста интервью: белой, с небольшой правкой, и черновой, со значительными рукописными вставками и редактурой. Знание почерков партийных деятелей позволяет точно установить, кому принадлежат те или иные фрагменты рукописного текста¹⁵. Основной текст «интервью», по-видимому, был составлен Ярославским, а потом тщательно отредактирован и дописан генеральным секретарем ЦК Сталиным; секретарь ЦК Молотов оставил менее значительную правку. Все вопросы «интервью» были сформулированы Ярославским и в отдельных случаях – Сталиным. Они же и отвечали на них от лица «иерархов».

Работая над текстом, Сталин собственноручно дал ему название: «Интервью с главой... православной церкви митрополитом Сергием»¹⁶. Прочерк значил, что Сталин не решил еще тогда, как следует обозначить титул владыки: «глава *российской* Православной Церкви», исходя из канонического названия «Православная Кафолическая Греко-Российская Церковь», или как-то еще? В итоге его называли «главой *патриаршей* православной церкви в СССР». Вначале также планировалось представить текст как «интервью» одного митрополита Сергия, но потом решили представить его как общее мнение руководства «тихоновцев». В газету было отправлено уже «*Интервью с главой патриаршей православной церкви в СССР, заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием и его Синодом*»¹⁷. Заметим, что формально «главой» православной Церкви митрополит Сергей в 1930 г. не был, он являлся лишь заместителем патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), который находился в то время в ссылке в поселке Хэ на берегу Обской губы, за полярным кругом. И только в 1936 г., после получения ложного известия о смерти митрополита Петра (он был расстрелян только в 1937 г.) митрополит Сергей стал патриаршим местоблюстителем и формально возглавил церковные структуры. Объявив митрополита Сергия «главой» Церкви, власти явно дезинформировали читателей.

В конце публикации стояли фамилии немногих оставшихся на свободе членов Синода «староцерковников». После митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) под «интервью» якобы подписались митрополит Саратовский Серафим (Алексан-

дров), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Орехово-Зуевский Питирим (Крылов)¹⁸. Трое из них будут впоследствии репрессированы: митрополит Серафим (Александров) расстрелян по решению тройки УНКВД в ссылке в Казахстане 2 декабря 1937 г.¹⁹, управляющий Московской епархией архиепископ Филипп (Гумилевский) умер в тюрьме в 1936 г.²⁰, архиепископ Питирим (Крылов) расстрелян 19 августа 1937 г. как член «террористической фашистской организации церковников» (санкция на его уничтожение была дана лично Сталиным)²¹. В распоряжении исследователей нет свидетельств о том, что данные иерархи предварительно ознакомились с опубликованным от их имени «интервью». Нет ни подписей, ни сведений о том, что такие подписи у них запрашивались. Скорее всего, владыки по линии ОГПУ заставили признать появившийся в газетах текст «своим» и затем подтверждать его подлинность.

«Интервью» предварялось написанным сталинской рукой вступлением: «Представители советской печати обратились с рядом вопросов к митрополиту Сергию. На поставленные митрополиту вопросы он дал следующие ответы»²². Первым был поставлен вопрос: «Действительно ли существует в СССР гонение на религию и в каких формах оно проявляется?» На него будто бы последовал ответ «митрополита»: «Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. В силу Декрета об отделении церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно и никаким государственным органом не преследуется. Больше того. Последнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. совершенно исключает даже малейшую видимость какого-либо гонения на религию»²³. Несостоятельность «ответа Сергия» вряд ли нуждается в комментариях — как и ссылка на постановление 8 апреля 1929 г., якобы гарантировавшее религиозную свободу, а на самом деле содержавшее множество ограничений для деятельности верующих.

Следующий вопрос касался закрытия церквей, принявшего в 1929–1930 гг. массовый характер: «Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?». «Да, действительно, некоторые церкви закрываются, — признавалось от имени “Сергия и Синода”. — Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих. Безбожники в СССР организованы в частное общество». Сталин после слова «общество» дописал: «Поэтому их требования в области закрытия церквей для правительственных органов обязательными не являются»²⁴. Приписка Сталина перекладывала ответственность с государства на якобы независимую от него массовую общественную организацию, к которой власти как бы не имели никакого отношения.

Следующий вопрос и «ответ» на него («Сколько закрыто всего церквей?» — «Точных сведений по этому вопросу у нас не имеется») были зачеркнуты Сталиным²⁵. Точные сведения по этому вопросу у руководства страны были (сводки такого характера собирал и «церковный» отдел ОГПУ)²⁶. Но, видимо, Сталин не захотел лишний раз привлекать внимание к этой проблеме. Вопрос о репрессиях среди верующих был сформулирован так: «Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т.д.?». Конечно, по мнению партийных вождей, это было «неверно». Поэтому сталинская правка была тут особенно придирчивой. В первоначальной редакции говорилось о том, что «репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а исключительно за их *противоправительственную политическую деятельность*»²⁷. Сталин вычеркнул выделенные курсивом слова, вписав вместо них: «а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные *противоправительственные деяния*»²⁸. Поправка четко указывала: репрессируют не по «церковному» признаку, а каждого — независимо от веры, звания, положения и т.д. — за так называемые «антигосударственные преступления». «Надо сказать, — отмечалось в тексте, — что несчастье церкви состоит в том, что в прошлом, как это всем хорошо известно, она слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковное руководство не смогло своевременно оце-

нить всего значения совершившегося великого социального переворота и долгое время вело себя как открытый враг соввласти». В этом фрагменте Сталин заменил словосочетание «церковное руководство» более широким выражением *«церковные круги»*²⁹, оправдывавшим массовые репрессии против «врагов», не принявших «великого социального переворота». «Открытые враги советской власти» были прямо указаны Сталиным, дописавшим: *«(при Колчаке, при Деникине и проч.)»*³⁰. Далее, в качестве примера, Ярославский упомянул о вынужденном «раскаянии» патриарха Тихона: «Лучшие умы церкви, как, например, патриарх Тихон, поняли это и старались исправить создавшееся положение, рекомендуя своим последователям не идти против воли народа и быть лояльными к советскому правительству». Это писалось, чтобы затем упрекнуть упорствующих в «антисоветском» противостоянии: «К сожалению, даже до сего времени некоторые из духовенства не могут понять, что к старому нет возврата и продолжают вести себя как политические противники советского государства»³¹. Подобные пассажи были призваны оправдать те репрессии против духовенства и верующих, которые скрыть было уже невозможно. Но оборот *«некоторые из духовенства не могут понять»* выдавал отстраненность автора от церковной среды. Сталин, как внимательный редактор, уловил это и поправил: *«некоторые из нас не могут понять»* и т.д.³²

«Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды?» – спрашивалось в «интервью». Ответить на данный вопрос было непросто, поскольку свобода религиозной проповеди была официально упразднена в конце 1920-х гг. 28 февраля 1929 г. Политбюро ЦК постановило изменить соответствующую статью Конституции РСФСР таким образом, что, по сути, сохранялась свобода лишь атеистической пропаганды³³. ВЦИК выполнил данное решение, аналогичные изменения были сделаны позднее и в конституциях других советских республик и окончательно закреплены в Конституции СССР 1936 г. Поэтому отвечать приходилось уклончиво: «Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей». Сталин дописал: *«(только, к сожалению, мы сами подчас не особенно усердствуем в этом)»*³⁴. Теперь выходило, что власть вовсе не стесняет проповедников, тогда как они сами недостаточно усердны. Далее отмечалось: «Допускается даже преподавание вероучений лицам, достигшим совершеннолетия»³⁵. Не упоминалось только, что после фактического уничтожения сети духовно-учебных заведений получить религиозное образование, за редким исключением, было невозможно. Вопрос о том, «соответствуют ли действительности сведения, помещаемые в заграничной прессе, относительно жестокостей, чинимых агентами соввласти по отношению к отдельным священнослужителям?» Сталин счел необходимым конкретизировать, вписав: *«(например: "Морнинг Пост" от 20 декабря 1929 г. и 4 февраля 1930 г.)»*³⁶. «Ни в какой степени эти сведения не отвечают действительности, – заявлялось в «ответе». – Все это – сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей. К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность». Окончание данной фразы («а за те или иные антиправительственные, а иногда и уголовно наказуемые деяния») Сталин вычеркнул и вписал: *«а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях»*. Потом следовало: *«и это, разумеется, происходит не в форме каких-то гонений и жестокостей, а в форме, обычной для всех других преступников»*. Выделенные курсивом слова были заменены Сталиным на: *«обычной для всех обвиняемых»*³⁷. Таким образом, создавалась видимость того, что правительство действует в правовом поле и соблюдает презумпцию невиновности.

Ставился в «интервью» и вопрос о том: «Как управляется церковь и нет ли стеснений для управления?»³⁸. Структуры православной Церкви в СССР в конце 1920-х гг. находились в состоянии глубокого кризиса, вызванного репрессиями 1920-х гг. Массовые аресты по надуманным обвинениям в мнимых «преступлениях» иерархов, служащих епархий, клириков, членов приходских советов и активных мирян парализовали деятельность большинства епархиальных управлений. Центральное управление было обезглавлено арестом патриаршего местоблюстителя и большинства членов Священного Синода. Направляемые властью обновленцы травили и теснили «старо-

церковников». Между тем в «ответе» митрополита говорилось: «У нас, как и в до-революционное время, существуют центральные и местные церковные управления. *В центре – священный синод, а в епархиях преосвященный архиерей и епархиальный совет*». Однако этот вариант Сталина не удовлетворил и он заменил выделенный выше курсивом текст на новый: «В центре патриархия, т.е. заместитель патриаршего местоблюстителя и священный синод, а в епархиях – преосвященные архiereи и епархиальные советы». Ярославский не упомянул о патриархии, видимо, не желая напоминать об аресте патриаршего местоблюстителя, Сталина же, похоже, это не смущало. Далее следовало: «Кроме этого, при каждом приходе существуют *исполнительные органы*, избираемые верующими. В управлениях всех наших органов до сих пор не было никаких стеснений, и преосвященные находятся на местах в своих епархиях». Здесь Сталин внес маленькую поправку: вместо слов «исполнительные органы» написал – «*исполнительный орган*»³⁹.

В первоначальной редакции «интервью» был предусмотрен вопрос «Издается ли Вами религиозная литература и достаточно ли снабжены Вы ею?». «Мы издавали *в центре и на местах* журналы, церковные календари, – «говорилось» в ответ (курсивом выделены слова, вписанные над строкой), – *но за недостатком* (вписано Сталиным вместо зачеркнутого «за отсутствием»). – И.К.) материальных средств и в силу бумажного кризиса мы временно прекратили издание некоторых церковных органов. Если представится возможность, главным образом, материальная, то издательская деятельность возобновится». Тут Молотов сделал приписку: «так как запрета на издание религиозной литературы советское правительство не издавало»⁴⁰. Похоже, ссылки на «недостаток материальных средств» и «бумажный кризис» показались Сталину слишком уж неубедительными в условиях, когда страна буквально заваливалась низкосортными антирелигиозными книгами и брошюрами⁴¹. Приписка же Молотова и вовсе заставляла думать о наличии негласного запрета на выпуск религиозных изданий. И вопрос, и ответ на него были перечеркнуты генеральным секретарем и в опубликованный текст «интервью» не вошли.

«Советских журналистов» интересовало также: «Пользуется ли какое-либо религиозное течение привилегиями со стороны соввласти перед другими религиозными течениями и не оказывается ли советским правительством поддержка одному из этих течений?». Известно, что поддержкой властей (в частности, органов ВЧК–ОГПУ) с начала 1920-х гг. пользовались обновленцы⁴². Однако в «ответе» констатировалось лишь то, что «по советскому законодательству все религиозные организации пользуются одинаковыми правами». Далее в «черновой» редакции следовала невразумительная и двусмысленная фраза: «Мы находимся в особо благоприятном в этом отношении положении, так как Советское правительство совершенно не заинтересовано в преобладающем развитии религиозного течения за счет другого»⁴³. Сталин, любивший ясность формулировок, предпочел ее вычеркнуть.

В конце 1920-х гг., когда власть, прикрываясь декларациями о веротерпимости, решительно проводила политику, направленную на искоренение всех религий в стране, почти издевательски звучал обращенный к «иерархии» вопрос: «Как вы смотрите на дальнейшие перспективы религии вообще?». Церковникам следовало выразить сдержанный оптимизм: «Конечно, нас беспокоит быстрый рост безбожия. Но мы, искренне верующие люди, твердо верим, что божественный свет не может исчезнуть и что со временем он прочно утвердится в сердцах людей»⁴⁴. При жестком контроле со стороны властей за любыми финансовыми потоками у архiereев «спрашивали»: «Как бы вы посмотрели на материальную поддержку из-за границы и в чем она могла бы выразиться?». «Наше положение как священнослужителей обеспечивается материальной поддержкой наших верующих, – указывалось в «ответе». – Мы считаем для себя нравственно допустимым содержание нас только верующими. Получение же материальной поддержки людей другой веры и извне было бы для нас унижительным и налагало бы на нас большие моральные, а может быть, даже политические обязательства и связывало бы нас в нашей религиозной деятельности, *давая повод для обвинения нас в по-*

лучении поддержки от организаций, враждебно относящихся к советскому строю»⁴⁵ (курсивом выделена приписка Молотова, вычеркнутая Сталиным. – И.К.).

Не менее праздным в обстановке 1920-х г. был и вопрос: «Каково ваше мнение о возможности соединения англиканской и православной церквей?». «Отличительной особенностью православной церкви является крайняя нетерпимость верующих даже к самым ничтожным новшествам и нововведениям в догматической и обрядовой областях, – заявлялось в проектируемом “ответе”. – Независимо от того, что для такого соединения указанных церквей большим препятствием явилось бы весьма значительное число спорных моментов, верующие никоим образом не признали бы такого соединения»⁴⁶. Вопрос явно не соответствовал цели «пресс-конференции» – дезинформации читателей относительно положения Церкви и верующих в СССР. Кроме того, предполагаемый «ответ Сергия» звучал слишком уж отстраненно для церковного иерарха. В результате и ответ, и вопрос были перечеркнуты Сталиным.

Тема гонений затрагивалась в «интервью» намеренно абсурдным образом: «Были ли случаи вынесения смертных приговоров священнослужителям за неуплату налогов?». Разумеется, в ответе указывалось: «Такие случаи нам неизвестны. Были случаи наложения на служителей культа штрафов за неуплату налогов»⁴⁷. Затем ставился более общий вопрос: «Каково теперешнее положение церкви?». «Теперешнее положение церкви значительно разнится от прежнего, – отмечалось в “ответе”. – Сейчас благодаря тому, что хозяйство (слово “хозяйство” вписано Сталиным вместо вычеркнутого “экономика”. – И.К.) страны претерпевает коренные изменения, сводящиеся к смене старых форм хозяйствования новыми (коллективизация сельского хозяйства, индустриализация всей страны), происходит ухудшение положения церкви. *Ярко обозначающийся рост культурного уровня всего населения СССР не может также служить фактором, усиливающим позиции церкви.* (Выделенный курсивом текст не вошел в опубликованный текст ответа, хотя и не был вычеркнут при редактировании Сталиным и Молотовым. – И.К.). Но мы не теряем надежды на то, что *и при новом хозяйственном строительстве вера останется* (в первой редакции вместо выделенного курсивом фрагмента говорилось: “*господь нам поможет укрепиться*”. – И.К.) и церковь Христова (так в тексте. – И.К.) будет и дальше существовать»⁴⁸. Таким образом, «ответ Сергия» подразумевал, что не гонения, а сам ход социалистических преобразований вытесняет религию из жизни общества, иерархам же остается только надеяться на лучшее.

Ставился в «интервью» и вопрос о том, «*существуют ли в СССР пастырские богословские и т.п. школы?*». К 1930 г. православные духовные школы всех уровней были полностью разгромлены властями. Тем не менее, «Сергий и Синод» «отвечали»: «Да, в Москве до сих пор существует богословская академия у обновленцев (имелась в виду “Московская богословская академия”, созданная при поддержке власти А.И. Введенским в 1923 г. в захваченном обновленцами патриаршем Троицком подворье; ее существование создавало в 1920–1930-е гг. иллюзию наличия в СССР возможности получить высшее духовное образование. – И.К.). Если же у нас теперь академии нет, то это происходит, прежде всего, в силу отсутствия достаточных материальных средств для этой цели, и к тому же мы считаем теперь наиболее целесообразной персональную подготовку отдельных лиц, чувствующих призвание к служению церковному»⁴⁹.

Тщательно был отредактирован Сталиным ответ на вопрос об отношении к выступлению папы Римского. Сперва предполагалось изобразить дело так, будто иерархи высказались об этом по собственной инициативе. Однако Сталин вычеркнул соответствующее начало и вписал красным карандашом вопрос: «*Как вы относитесь к недавнему обращению папы Римского?*»⁵⁰. Первоначальный вариант ответа также исправлялся им несколько раз. В «черновой» редакции говорилось: «В заключение мы считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет и поражает выступление с письмом папы Римского (так в тексте. – И.К.), который, считая себя “наместником Христа”, пострадавшего за угнетенных и обездоленных, интересы которых защищает по существу советская власть, оказался вместе с английскими лордами и французски-

ми толстосумами»⁵¹. Сталин облегчил, «уточнил» и развил исходную формулировку: «Считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского (так в тексте. – И.К.) против советской власти. Папа Римский считает себя “наместником Христа”, но Христос пострадал за угнетенных и обездоленных, между тем как папа Римский в своем обращении оказался в одном лагере с английскими помещиками и франко-итальянскими толстосумами»⁵². *«Христос заклеил бы такое отступление от христианского пути»*, – писал он далее. Затем эта фраза вновь была им отредактирована и приобрела свой окончательный вид: «Христос так не поступил бы. Он заклеил бы такое отступление от христианского пути»⁵³. «Нам кажется тем более странным слышать из уст главы католической церкви обвинения в гонениях на инаковерующих, – дополнил сталинский текст Молотов, – что вся история католической церкви есть непрерывная цепь гонений на инаковерующих, вплоть до *пыток и* (выделенное курсивом вписано Сталиным над строкой. – И.К.) сожжения их на кострах (далее зачеркнуто: “и других адских пыток”. – И.К.)». «Нам кажется, – продолжал, теперь уже за Молотовым, Сталин, – папа Римский в данном случае идет по стопам старых традиций католической церкви, натравливая свою паству на (далее Сталиным зачеркнуто: “советскую власть”. – И.К.) нашу страну и тем поджигая костер для подготовки войны против (зачеркнуто: “нашей страны”. – И.К.) народов СССР». Последний абзац ответа принадлежал Ярославскому, но Сталин его слегка поправил (вписанные им слова выделены курсивом): «Мы считаем излишним и ненужным это выступление *папы Римского*, в котором мы, *православные*, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защищать нашу православную церковь. У папы есть давнишняя мечта окатоличить нашу церковь, которая, будучи всегда твердой в своих отношениях к католицизму, как к ложному учению, никогда не сможет связать себя с ним какими бы то ни было отношениями. На днях нами будет издано специальное обращение к верующим с указанием на новые попытки папы Римского насадить среди православных христиан католицизм *совершенно непозволительными* (у Ярославского: “такими нехорошими”. – И.К.) путями, к каким прибегает папа»⁵⁴.

Столь же резкая отповедь содержалась и в ответе на «вопрос»: «Как вы относитесь к выступлению архиепископа Кентерберийского на кентерберийском церковном соборе?»⁵⁵. Вопрос этот также отсутствовал в первоначальной редакции и был вписан Сталиным карандашом. Ответ на него был написан им же от первого лица, поскольку вначале предполагалось, что «пресс-конференцию» даст один митрополит Сергей, и лишь позднее состав ее участников расширили за счет «Синода». В окончательной редакции текста единственное число было заменено множественным, а сам ответ немного сокращен. «Нам кажется вообще странным и подозрительным внезапное выступление целого сонма глав разного рода церквей – в Италии, во Франции, в Германии, в Англии – в “защиту” православной церкви? – писал от имени Сергия генеральный секретарь (курсивом далее отмечен сталинский текст, не вошедший в газетную публикацию, и некоторые разночтения между черновой и окончательной редакциями). – *Я не помню, чтобы когда-либо все эти главы всяких антиправославных* (“всяких антиправославных” вписано над строкой. – И.К.) *церквей – в том числе архиепископ Кентерберийский – не вели борьбы против православной церкви, чтобы они* (“чтобы они” вписано над строкой. – И.К.) *не хулили и не компрометировали православную церковь*. Внезапный и необъяснимый порыв “дружеских” чувств к православной церкви этих *исконных* (в газетной публикации стало “обычных”. – И.К.) противников православия невольно наводит на мысль, что дело тут не в защите православной церкви, а в преследовании каких-то земных целей. *Я не берусь объяснить* (в газете “мы не беремся объяснять”. – И.К.), какие это земные цели, но что *они не имеют ничего общего* (в газете: “они имеют мало общего”. – И.К.) с духовными запросами верующих, в этом у *меня* (в газете: “у нас”. – И.К.) нет никакого сомнения. Что касается, в частности, выступления архиепископа Кентерберийского, то оно грешит той же неправдой насчет якобы преследований в СССР религиозных убеждений, как и выступление Римского папы. *Я слышал* (в газете: “мы слышали”. – И.К.), что трудящиеся люди Лондона рас-

ценивают выступление архиепископа Кентерберийского, как выступление, “пахнущее нефтью”. Нам кажется, что оно если не пахнет нефтью, то, во всяком случае, пахнет подталкиванием паствы на новую интервенцию, от которой так много *пострадала Россия* (первоначально: “пострадали верующие”. – И.К.)»⁵⁶.

Ответ архиепископу Кентерберийскому и папе строился на характерном для сталинского стиля полемики приеме «перехода на личности». Оппоненты умело компрометировались, внимание сосредоточивалось не на их доводах (пусть даже ошибочных), а на их личных, подлинных или мнимых изъянах (деятельность инквизиции, прозелитизм, не говоря уже о классовой и конфессиональной обусловленности позиций папы и архиепископа Кентерберийского, действовавших к тому же по указке империалистов). При таком обличении врага спор с ним становился излишним.

Через несколько дней после публикации данного «интервью», митрополита Сергея (Страгородского) заставили принять участие в пресс-конференции для иностранных журналистов, состоявшейся 18 февраля 1930 г.⁵⁷ В обмен на согласие участвовать в этой пресс-конференции митрополит Сергей получил возможность представить подробную записку о нуждах Церкви⁵⁸. «Интервью» было странным и по форме и по содержанию. Вопросы были присланы митрополиту Сергию заранее, в письменном виде. Владыка зачитал собравшимся по бумажке «свой» текст (история его создания остается не выясненной), ответы на дополнительные вопросы не предусматривались⁵⁹. В зачитанном тексте митрополит несколько раз сослался на созданное комиссией Сталина интервью «советским журналистам». Так, посоветовав иностранцам ознакомиться с уже опубликованным в газетах текстом, он не стал отвечать на вопросы о количестве учащихся, получивших высшее богословское образование, о воззваниях папы, архиепископа Кентерберийского и других с протестами против религиозных гонений, о количестве священников, приговоренных к тюремному заключению и ссылке в 1929 г., и их «проступках». Правда, в ответе на другой вопрос вновь прозвучало обличение папы как «врага православия». Указывалось, в частности, что за один только 1929 г. папа отобрал у православных и обратил в костелы 500 храмов (о количестве храмов, закрытых в том же году в СССР, умалчивалось). Новым во втором интервью митрополита Сергея стало подтверждение им законности своих канонических полномочий. Кроме того, он привел сведения о количестве прихожан («несколько десятков миллионов»), приходов («30 тыс.»), священнослужителей («больше чем число приходов») и архиереев («163») – очевидно сильно завышенные и не учитывавшие динамику массовых репрессий, однако подтверждавшие оптимистические слова владыки о том, что «безбожники преувеличивают свои успехи». На острый вопрос о том, как Церковь может существовать в условиях «лишения», когда духовенству и активным мирянам «предстоит выселение, невозможность получения продовольственных карточек и, по последнему декрету, запрещение проживания в Москве», митрополит зачитал «ответ», весьма схожий по духу с аналогичным в первом «интервью». Все граждане СССР, утверждал он, наделены равными правами, в том числе избирательными, гарантированными им конституцией. Говоря о запрещении колокольного звона, архиерей сказал, что «в некоторых местах СССР» он «отменяется по желанию трудящегося населения». «Мы не видим в этом решении ничего, что умаляло бы нашу религию», – заявил владыка. На вопрос о религиозных праздниках он отвечал, что «Соввласть, не соблюдая их в государственных и общественных учреждениях, отнюдь не препятствует празднованию их церковью»⁶⁰. «Да, упрекать митрополита Сергея в таких ответах можно долго», – полагает О.Ю. Васильева⁶¹. Но были ли они «ответами Сергея» или же также составлялись партийной комиссией? Черновики второго «интервью» митрополита в архивах пока не найдены. Не одно и то же – составить свой лживый текст и согласиться зачитать чужой, полагая, что это послужит церковному благу.

15 февраля 1930 г. последовало также воззвание обновленческого Синода, подписанное «митрополитами» Вениамином и Александром Введенским, а также рядом священников. Его не понадобилось, в отличие от «интервью» митрополита Сергея и его Синода, готовить на самом высоком уровне, достаточно было простого просмотра и

одобрения (на сохранившемся в архиве Политбюро тексте воззвания имеются пометы: «просм[отрено] Ярославским» и «в редакцию газет “Правда” и “Известия”»). Воззвание обновленцев гласило, что при освещении за границей положения Церкви в СССР «усиливается недопустимая неправда», а эмигрировавшие епископы «фантазируют об ужасах», тогда как в Советском Союзе «торжествует принцип свободы всякого вероисповедания религии». Папа Римский и архиепископы Кентерберийский и Мюнхенский обвинялись в том, что давали «материал, где ложь и фантазии, преувеличения и ненависть соседствуют в демоническом состязании». При этом Синод обновленцев выразил солидарность с «заявлением митрополита Сергия и его Синода»⁶².

Реакция на выступления папы Римского и архиепископа Кентерберийского и позднее, весной 1930 г., волновала Сталина и находилась под его личным контролем. Так, итогом двух писем, направленных Сталину 11 и 13 марта заместителем наркома иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, сообщавшим об «антисоветских» богослужениях и проповедях, разрешенных английским правительством, стало принятое 15 марта постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об организации в ряде крупных городов СССР демонстраций, а также «коллективных и индивидуальных выступлений научных работников и других слоев интеллигенции с протестом против антисоветской кампании в Англии»⁶³. Инициаторами данного постановления были Сталин и Молотов⁶⁴. Появившийся же в газетах призыв Союза воинствующих безбожников организовать силами своих местных отделений демонстрации и митинги протеста «в связи с молебствиями на Западе» был признан Сталиным «грубой политической ошибкой». 17 марта на письме заведующего отделом агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) Г.Н. Каминского он оставил резолюцию: «Передать т. Ярославскому, что опубликование призыва о демонстрации противоречит решению ЦК. И. Ст.». Ярославскому пришлось объясняться и уверять, что призыв появился в газете «Безбожник» без его ведома⁶⁵. Почему же Сталин столь резко ограничил «антипапскую» деятельность Союза безбожников? Согласно секретному решению Политбюро, устраиваемые повсюду в СССР протесты трудящихся и возмущение интеллигенции должны были в глазах международной общественности выглядеть стихийными. Между тем активное участие в этой кампании одиозного и официозного Союза выдавало бы ее организованный характер.

Сталин лично отредактировал состоявшееся 18 марта 1930 г. постановление Политбюро «О демонстрации», внося в его проект пункт об отмене демонстрации, намеченной Союзом воинствующих безбожников на 19 марта. По замыслу вождя, демонстрации должны были состояться во всех городах страны 21 марта «под общими лозунгами против провокаторов интервенции, против церковных агентов капитала, за мир, за строительство социализма, за готовность отпору империалистам, за усиление строительства Красной армии». «Текст соответствующей телеграммы местам, – указывалось в постановлении, – составить Каминскому и внести на одобрение Политбюро не позднее *сегодняшнего дня*» (выделенные слова вписаны Сталиным вместо зачеркнутого им «18 марта». – *И.К.*). Предписывалось также: «в) опубликовывать, начиная с завтрашнего дня, все сведения заграничной печати о враждебных Советскому Союзу демонстрациях, а также о контр-демонстрациях рабочих *за границей* в защиту СССР (выделенные слова вписаны Сталиным над строкой. – *И.К.*); г) чтобы не распылять сил, частичных демонстраций в СССР до 21 не устраивать. Митинги и собрания устраивать. Резолюции рабочих и ученых публиковать немедленно»⁶⁶.

В тот же день было принято еще одно постановление Политбюро «О демонстрации», которым утверждался текст рассылаемой на места телеграммы, составленной Каминским и отредактированной Сталиным (вписанные им слова обозначены курсивом): «Всем ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам. В связи с проводимой за границей антисоветской кампанией и молебствиями, ЦК предлагает 21 марта устроить во всех крупных городах СССР массовые и *внушительные* демонстрации протеста под общими лозунгами: против провокаторов интервенции, против церковных агентов капитала, *против папы и архиепископов, проповедующих войну с СССР*, за мир, за строительство социализма, за готовность к отпору империалистам, за усиление мощи

Красной Армии. В связи с этим постановление Союза Безбожников об устройстве демонстрации 19 марта отменяется». Следовавший затем обширный фрагмент Сталин вычеркнул: «Демонстрации должны быть внушительными, должны особо подчеркнуть производственный подъем масс, их готовность к решительному отпору всяким попыткам империалистов помешать проведению пятилетки, индустриализации страны и социалистическому переустройству деревни, в то же время характер демонстрации, поведение ораторов, освещение в печати не должны допускать возможности истолкования демонстраций, в особенности в крестьянских массах, как признак непосредственной близости войны». *«Необходимо обеспечить»*, – говорилось далее (вписано вместо слов “категорически предлагается”. – И.К.), – полную организованность демонстраций, *безусловно* исключающую возможность малейших эксцессов в отношении иностранных представительств, а также религиозных учреждений в СССР (зачеркнуто: “и духовных лиц”. – И.К.). *Ни в коем случае не останавливаться перед консульствами, не допускать* (зачеркнуто: “предупредить возможность”. – И.К.) провокаций *в виде чучел Макдональда и других*, в виде бития стекол (зачеркнуто: “бросания предметов и др”. – И.К.), оскорблений консульств и т.п. Точно так же (зачеркнуто: “ни в коем случае”. – И.К.) не допускать издевательств и провокаций на религиозной почве. *Острые демонстрации направить исключительно против провокаторов интервенции*. До 21 марта (зачеркнуто: “никаких”. – И.К.) демонстраций не устраивать, ограничиваясь проведением митингов и собраний, широкой публикацией сведений заграничной печати о враждебных Советскому Союзу демонстрациях, а о контр-демонстрациях рабочих за границей в защиту СССР, а также резолюциями протеста в СССР. Организуйте индивидуальные и коллективные выступления научных работников и других слоев интеллигенции *против поджигателей и провокаторов интервенции, папы и папских агентов*»⁶⁷.

В последний раз Сталин вернулся к теме враждебных выступлений папы Римского при редактировании тезисов к 1 мая 1930 г. Он лично вписал в них карандашом пункт 4-й: «Папа и прочие князья церкви провоцируют поход капитала против СССР – долой папу и всех контрреволюционных церковников!». А к пункту 5-му («Социал-демократы – главная опора империалистов в подготовке новых войн и нападения на СССР. Долой социал-империалистов!») Сталин приписал: «Долой социал-папистов!»⁶⁸.

Сталинское государство было миром мнимых величин и иллюзий. Пропагандистская машина работала отлаженно, применяя изощренные технологии обмана народа и международного общественного мнения. Многие важные решения были строго засекречены, хотя зачастую и прикрывались для видимости широкими общественными или корпоративными волеизъявлениями. Сталин, с его цинизмом и выдающимся талантом к мистификации, иногда лично организовывал дезинформационные и диффамационные кампании, как в случае с фабрикацией ответов церковных и общественных кругов на протесты против религиозных гонений в СССР.

Примечания

¹ См.: Китеж. 1930. № 1. С. 1.

² АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 24; Правда. 1930. 28 февраля.

³ Бухарин Н.И. Финансовый капитал в мантии папы // Правда. 1930. 7 марта. Бывшие «правые» с начала 1930-х гг. участвовали в разных пропагандистских акциях, стремясь вернуть себе расположение Сталина и большинства ЦК. «Коба, посылаю тебе статью... (отточие в тексте. – И.К.) против папы римского! – писал Бухарин 6 марта 1930 г. – Я для нее прочитал порядочнейшее количество материала. Прошу ее поместить целиком. Обрати внимание на место о Шефере. Очень прошу просмотреть, хотя – как показал опыт – несмотря на это, Ц.О. “атакует” post factum. Привет. Н. Бухарин» (РГАСПИ, ф. 329, оп. 2, д. 6, л. 73).

⁴ АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 2–8.

⁵ Правда. 1930. № 78. 20 марта. Вырезка из «Правды» с «интервью» ксендза Авгло отложилась также и в тематическом деле в архиве Политбюро ЦК ВКП(б): АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 36.

⁶ Цит. по: Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000. С. 379–380.

⁷ Минские равнины о религиозной политике советской власти // Правда. 1930. № 57. 27 февраля.

⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 841, л. 1–8.

⁹ Там же, л. 1.

¹⁰ Известия. 1930. № 46. 16 февраля; Правда. 1930. № 46. 16 февраля; Известия. 1930. № 49. 19 февраля.

¹¹ Об откликах на первое интервью митрополита Сергия см.: Косик О.В. Интервью митрополита Сергия (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // XIII Ежегодная Богословская конференция православного Свято-Тихоновского института. Материалы. М., 2003. С. 266–277.

¹² АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 9 (протокол № 117, п. 75).

¹³ В противном случае пришлось бы отрицать сфальсифицированный характер многочисленных «дел» 1920–1930-х гг., так как значительная часть участников сталинских судов признала правильность данных ими на следствии ложных показаний и тем самым авторизовала их. Частично эти материалы были использованы в статье О.В. Косик (*Косик О.В.* Указ. соч. С. 273). Однако автор настоящей статьи пришел к несколько иным выводам относительно порядка составления текста и авторства его отдельных фрагментов.

¹⁴ Подробности «интервьюирования» появились только в эмигрантской печати, а именно в сообщении рижской газеты «Сегодня», перепечатанном затем в белградском «Новом времени» (*Косик О.В.* Указ. соч. С. 267). Однако, скорее всего, эмигрантское издание подверглось намеренной дезинформации. Говоря об участии митрополита Сергия в создании текста «интервью», Косик предположила: «Возможно, что оно заключалось в исключении наиболее одиозных по своей религиозной безграмотности фрагментов». В качестве аргумента она приводит фразу, не вычеркнутую редакторами интервью, но и не вошедшую в окончательный газетный текст: «Ярко обозначившийся рост культурного населения СССР не может служить фактором, усиливающим позиции церкви» (*Косик О.В.* Указ. соч. С. 273). По мнению Косик, эти слова, весьма странно звучавшие в «интервью» церковного иерарха, могли быть исключены митрополитом Сергием. Однако, во-первых, это единственный фрагмент интервью, неизвестно когда и кем удаленный из подготовленного к печати текста, а во-вторых, он мог быть изъят и самим Сталиным, лично редактировавшим данную публикацию.

¹⁵ В частности, наиболее характерные образцы почерков Сталина см.: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 92, л. 67–68; Молотова: АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 14, л. 3; Ярославского: РГАСПИ, ф. 89, оп. 12, д. 2, л. 128, 128 об.

¹⁶ АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 16.

¹⁷ Там же, л. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Митрополит Серафим подписал декларацию митрополита Сергия 1927 г. и занимал отчетливо просоветскую позицию. В среде внутрицерковной оппозиции его называли «митрополит Лубянский». Реабилитирован в 1989 г. См.: Божье В.С. Митрополит Серафим (Александров): страницы биографии // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала. Мат-лы III-й региональной науч. конф. 10–11 декабря 2002 г. Челябинск, 2002. С. 143–147.

²⁰ Архиепископ Филипп (Гумилевский) подписал в 1927 г. декларацию митрополита Сергия, в апреле 1936 г. он был арестован, приговорен к 3-м годам заключения и отправлен во Владимирскую тюрьму, где в тот же год погиб при невыясненных обстоятельствах (*Рене А.* Святейший патриарх Сергей (Страгородский) // София. 1998. № 2). Вероятно, на судьбу владыки Филиппа повлияло и письмо, отправленное им в Ватикан, в котором утверждалось, что подпись митрополита Сергия под «интервью» была получена под сильнейшим давлением ГПУ и с целью спасения жизни многим заключенным (*Венгер А.* Указ. соч. С. 381). Однако в письме не уточнялось, о каком именно из двух интервью Сергия шла речь – советским или иностранным корреспондентам.

²¹ Питирим (Крылов) в 1936–1937 гг. был архиепископом Велико-Устюжским. Арестован 20 июня 1937 г., обвинялся в связях с троцкистами и участии в «террористической фашистской организации церковников». Проходил по сталинскому расстрельному списку по Москве и Московской обл. от 10 августа 1937 г. («Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР») под № 43. Резолюции: «За. И. Сталин. В. Молотов. Каганович. К. Ворошилов». Расстрелян по приговору Военной коллегии ВС СССР 19 августа 1937 г. в Москве. В 2000 г. реабилитирован. См.: АП РФ, ф. 3, оп. 24, д. 410, л. 195–196, 198.

²² Там же, оп. 60, д. 16, л. 16.

²³ Там же, л. 22.

²⁴ Там же, л. 16.

²⁵ Там же, л. 20.

²⁶ По данным, приводимым в книге протоиерея В.В. Цыпина, в 1928 г. только в РСФСР закрыли 354 церкви, а в 1929 г. – уже 1 119 (из них 332 были разрушены). В Москве из 700 храмов, действовавших до 1917 г., к 1 января 1930 г. осталось всего 224 церкви. В Рязанской епархии закрыто было в 1929 г. 224 прихода, в Орле в 1930 г. не осталось ни одного православного храма. «Закрытые храмы, – отмечает историк, – приспособлялись под производственные цели, под склады, под квартиры и клубы, а монастыри – под тюрьмы и конюшни» (*Цыпин В.В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 188*).

²⁷ АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 16–17.

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ Там же, л. 17, 11.

³⁰ Там же, л. 11.

³¹ Там же, л. 17.

³² Там же, л. 11.

³³ Там же, д. 13, л. 58.

³⁴ Там же, д. 16, л. 11.

³⁵ Там же, л. 17.

³⁶ Там же, л. 11.

³⁷ Там же, л. 11, 17.

³⁸ Там же, л. 12.

³⁹ Там же, л. 12, 18.

⁴⁰ Там же, л. 18.

⁴¹ Характерно, что сам Сталин не желал включать произведения такого рода в состав своей библиотеки. (*Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2002. С. 155*).

⁴² Как пишет протоиерей В.В. Цыпин, «обновленческую группировку гроза 1929–1931 гг. не задела..., большая часть их приходов не была закрыта»: «На 1 января 1931 г. на территории Российской Федерации они располагали 4 159 храмами». (*Цыпин В.В., прот. Указ. соч. С. 195*). В эти же годы тысячи «тихоновских» священников прошли через аресты, ссылки и тюрьмы.

⁴³ АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 16, л. 18.

⁴⁴ Там же, л. 12–13.

⁴⁵ Там же, л. 12–13, 19.

⁴⁶ Там же, л. 19.

⁴⁷ Там же, л. 13. Далее в черновой редакции было вписано почерком Молотова, а потом вычеркнуто: «как и на других граждан на вполне законных основаниях» (Там же, л. 20).

⁴⁸ Там же, л. 13, 20. Слова «Церковь», «Христос», «Господь» и другие, употребляемые как в церковной, так и в культурной традиции с большой буквы, составителями данного «интервью» неизменно писались с маленькой.

⁴⁹ Там же, л. 13. В черновом варианте последнее предложение было сформулировано несколько иначе: «*Но, как показала практика, мы никогда не могли укомплектовать достаточным контингентом эти школы. Это происходило, прежде всего, в силу отсутствия достаточных материальных средств для этой цели, и к тому же мы считаем единственно целесообразной персональную подготовку отдельных лиц, чувствующих призвание к священнослужению (курсивом выделены основные разночтения. – И.К.)*» (Там же, л. 20).

⁵⁰ Там же, л. 21.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 14.

⁵³ Там же, л. 14, 21.

⁵⁴ Там же, л. 21.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 21. 5 мая 1930 г. в отчетном докладе на III областной Ленинградской партконференции секретарь ЦК ВКП(б) Молотов обратившись к теме «крестового похода» против СССР, вновь использовал тот же образ, но уже со ссылкой на империалистическую прессу: «Однако, борьба против СССР не только не утихает, а наоборот, делается все возможное, чтобы ее разжечь. Особенно показательна организация так называемого “крестового похода” против СССР со стороны князей церкви во главе с папой Римским. *Недаром в империалистической прессе*

писалось о том, что этот поход, якобы в защиту религии в СССР, “сильно пахнет нефтью”, что эта кампания является частью военного заговора против Советского Союза. Антисоветская кампания в капиталистических странах особенно усилилась за последний год» (РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 131, л. 10. Цитируется по отредактированной стенограмме. В ее первоначальной редакции этот фрагмент речи Молотова имел несколько иной вид: «Особенно широкий характер подготовка войны против СССР приобрела в тот период, когда во главе с римским папой был организован крестовый поход в СССР под флагом защиты религии в СССР. Мы знаем, что эта кампания имела международный характер; мы знаем, что ряд буржуазных деятелей за границей довольно определенно говорили, что эта кампания не имеет ничего общего с религиозными целями, что она имела ярко политический характер, что она имела характер подготовки к новой войне против СССР; она имела характер подготовки интервенции в СССР. Мы знаем, что эта кампания сопровождалась усиленной травлей нас во Франции. Там шаги французских судов, французских властей, печати, политических деятелей, имели яркий характер выступления против СССР, и они были направлены к тому, чтобы изолировать СССР во всем мире и создать единый блок для подготовки войны против СССР» (Там же, л. 34–35).

⁵⁷ О.Ю. Васильева указывает на активную роль в ее организации Е.А. Тучкова, заведовавшего «церковным» отделом ОГПУ и являвшегося заместителем Ярославского в Союзе воинствующих безбожников (Васильева О.Ю. Февральская пресс-конференция митрополита Сергия – историческое осмысление и историческое наследие // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933). Мат.-лы конф. Петрозаводск, 2002. С. 384–405). Однако Тучков был хотя и усердным, но всего лишь исполнителем решений, принимавшихся высшим партийным руководством. Поэтому правильнее, с нашей точки зрения, было бы считать, что Е.А. Тучков не «предложил митрополиту Сергию выступить на пресс-конференции перед журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на Церковь в СССР» (Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 384), а озвучил предложение, поступившее от более высоких инстанций и лиц, – Политбюро ЦК ВКП(б), лично Сталина и Ярославского.

⁵⁸ «Памятная записка о нуждах православной патриаршей Церкви в СССР» была направлена митрополитом Сергием 19 февраля 1930 г. председателю Комиссии по делам культов при ВЦИК П.Г. Сидовичу, возглавлявшему официальный орган советского государства, курировавший религиозные организации. В записке ставился ряд смелых вопросов: об облегчении налогового бремени и освобождении Церкви от различных поборов, об укреплении правового положения духовенства (исключении его из категории «лишенцев»), о периодическом церковном издании, о праве религиозной пропаганды. Почти все эти просьбы были оставлены властями без внимания. По-видимому, организаторами второго «интервью» владыка был грубо обманут. Подробнее см.: Васильева О.Ю. Указ. соч.

⁵⁹ Вот как рассказывал о «пресс-конференции» митрополита Сергия экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский), бывший управляющим делами Патриархии в 1930 г.: «Телефонный звонок из соответствующего учреждения: “Сегодня у вас будут заграничные корреспонденты, дайте им сведения о положении Церкви”. ...Приходит чиновник и передает письмо Владыке. ...В этот момент появляются корреспонденты. Владыка выходит в подрышнике... и спрашивает: “Чем могу служить?”. Ответ: “Мы хотим знать о положении Церкви в СССР”... Владыка разгибает сложенный лист бумаги... и читает... По прочтении врученного ему чиновником ... текста Владыка поклонился корреспондентам в знак прощания и вернулся в свою спальню». (Веглайс Н. По поводу декларации митрополита Сергия // Вестник РСХД. 1988. № 153. С. 258). Рассказ митрополита Сергия (Воскресенского) явно утрирован. Так, дело не могло ограничиться лишь телефонным звонком, но подразумевало личную беседу чекистов с митрополитом Сергием. Но это важное свидетельство того, что текст, зачитанный митрополитом Сергием 18 февраля, скорее всего, тоже ему не принадлежал.

⁶⁰ Известия. 1930. № 49. 19 февраля.

⁶¹ Васильева О.Ю. Указ. соч.

⁶² АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 14, л. 5.

⁶³ Там же, д. 16, л. 27–29.

⁶⁴ Там же, л. 28. Их резолюции на втором письме Литвинова: «Проголосовать или обсудить? Лучше обсудить сейчас. И. Ст. На обсуждение в Политбюро. В. Мол».

⁶⁵ Там же, л. 30–32. Слово «опубликование» в оригинале подчеркнуто.

⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 826, л. 69.

⁶⁷ Там же, л. 71.

⁶⁸ Там же, л. 97, 103. Тезисы были утверждены постановлением Политбюро 22 апреля.